

КТО ИЗ ТРЁХ СЕСТЁР УМНЕЕ?

Уже отшумела первая волна комментариев и оценок по поводу недавних выборов на Украине и в Белоруссии. Настало время более глубинного анализа. События последнего времени, произошедшие в трёх странах-«сестрах»: Украине, Белоруссии и России, — как мне представляется, имеют почти символическое значение, раскрывающее глубокие культурные различия «трёх сестёр» и разную степень готовности к демократии. На Украине это, естественно, — президентские выборы и победа Л. Кучмы над Л. Кравчуком. Выборы эти вызвали в нашей печати поток комментариев, среди которых мне не попался ни один, отмечающий самое важное в этом событии. Самое важное — это не победа «вроде бы реформатора» над «вроде бы консерватором», кандидата, «вроде бы» готового к сближению с Россией, над кандидатом, опять-таки «вроде бы» склонным к противостоянию с ней, не падение второго беловежского «заговорщика», а совсем иное — сам факт мирной, законной, демократической передачи власти от одной «команды», «партии», группировки другой. Украина «сдала экзамен на демократию», причем именно сейчас, а не на выборах 1991 г., которые были вообще не выборами, а актом отвержения СССР и КПСС, и сдала успешно. И это — куда важнее, чем личности и даже политические курсы кандидатов.

Сейчас Украина качнулась от романтического национализма к прагматизму (причем амплитуда колебания не так уж велика: Кравчук — не такой уж националист, а Кучма тоже явно не собирается ликвидировать украинскую независимость) и от преобладания в политической жизни Украины Запада и Центра к преобладанию Востока и Юга. Со временем (это совершенно неизбежно) она вновь устремится к подчеркиванию своего своеобразия и своей «западности». Но главное — это то, что, похоже, заработал демократический «маятник», механизм развития без революций и контрреволюций.

По-моему, очень хорошо для Украины и то, что победил именно Кучма. Опять-таки, дело не в том, что Кучма «лучше», а в том, что победа кандидата, опирающегося, скорее, на русскоязычные и потенциально сепаратистские регионы, означает интеграцию этих регионов в украинскую национальную политическую систему. «Подучивший» забытый им родной язык, Кучма символизирует это движение от чреватой сепаратизмом отчужденности, от безразличия к шуму в Киеве и Львове к заинтересованности, к ощущению государства как своего.

Возможно, это предположение и неверно, но как гипотезу все же решусь его высказать: не возникает ли на Украине некий аналог американской двухпартийной системы, когда два громадных, естественно, очень разношерстных и в силу этого сравнительно «неидеологических» политических блока будут иметь устойчивые электораты в некоторых областях и неустойчивые — в других, борьба за которые и будет вестись на выборах? Как южные штаты были долгое время «заповедником» демократов, а «средний Запад» — республиканцев, Галичина может стать оплотом одного блока, а, скажем, Донбасс — другого. Это было бы идеальным вариантом, позволяющим прагматизировать политическую жизнь, внести в нее предсказуемость и упорядоченность.

В Белоруссии — свои выборы, очень отличные по характеру от спокойных и трезвых украинских. Победа Л. Кучмы 52 процентами — это нормальная

демократическая победа. Победа А. Лукашенко 80 процентами — это уже ближе к мирной антиэлитарной революции. Кебич и все его окружение, вообще вся белорусская элита надоела своему народу значительно больше, чем киевские кравчуковские бюрократы — своему. Кравчук навсегда останется в истории Украины как «положительный герой», как первый национальный президент, человек, который смог без крови привести страну к независимости и который смог достойно уйти, подчинившись воле народа. Кебич, обвиняемый в коррупции, цеплявшийся за власть и связанный не с созданием государственности, а с проектом объединения денежных систем, на такую роль не тянет. Кебич — не Кравчук, а Лукашенко — не прагматик Кучма. Это — «выходец из народа», бросивший перчатку в лицо элите и единственный человек, голосовавший в белорусском парламенте против беловежских соглашений. Это — в громадной мере непредсказуемая политическая фигура, человек, очевидно, страстный и честный, но вряд ли сам представляющий, что он будет делать дальше.

Будущее Белоруссии — темно. До нормального механизма передачи власти, нормальной системы политических блоков, каждый из которых может прийти к руководству государством, и это не будет означать социальных и политических катаклизмов, ей еще далеко. И все же демократические выборы в Белоруссии это тоже успех. Антиэлитарный потенциал выплеснули все же в законных и мирных формах, и если А. Лукашенко не учудит чего-нибудь, а старая номенклатура не попытается его скинуть силой, если он усидит в своем кресле до следующих выборов и они состоятся, то и Белоруссия, хотя и позже, чем Украина, и более трудным путем, придет к стабильной демократии.

А что же у третьей сестры, самой большой и старшей — России? У нас пробный шар, запущенный Шумейко. Его предложение в 1996 г. никаких выборов не проводить, естественно, всеми с негодованием отвергнуто и, также естественно, начинает завоевывать умы и сердца политической верхушки. Выборов, мне думается, не будет, и любопытно только, что придумают, чтобы их не проводить. Ибо выборы сейчас — страшны всем и никому не нужны. Их можно было проводить до октября 1993 г., вернее, вместо октября 1993-го. Альтернатива того времени — Ельцин и Руцкой — тоже не очень веселая, но не такая уж и страшная. Но после октября и декабря ситуация изменилась. У правящей верхушки сейчас — не только беспокойство, что станут известны банковские счета и будет выясняться их происхождение (аналогичное страхам кебичевской команды), но и куда большие опасения, что следующая власть будет расследовать октябрьские события. Тут писать мемуары и наслаждаться заслуженным покоем может и не получиться. Переход власти к оппозиции может стать для нашей верхушки не неприятностью, а катастрофой. Но у нас и оппозиции-то нормальной нет. Блок Руцкого—Хасбулатова был более или менее безопасен для страны. Но этого блока уже нет. И Руцкой и Хасбулатов, посидевшие в тюрьме, вряд ли стали в ней демократичнее и либеральнее. Но они уже и не сила. Сила — Жириновский, победа которого была бы катастрофой для России и ее соседей, и Зюганов, который ничуть не лучше. У нас нет ни Кучмы, ни даже Лукашенко. В этих условиях выборы — страшны всем и не нужны никому.

В октябре-декабре мы, кажется, перешли Рубикон и сделали невозможным нормальное демократическое развитие, передачу нормальной власти нормальной оппозиции. Второй раз в нашей истории мы не сдали экзамена на демократию. В первый раз в 1917 г. мы его провалили с треском. Второй — чуть-чуть не дотянули. Но все же не дотянули.

Мы видим, таким образом, что из трех стран-«сестер» лучше всего дела у Украины, хуже — у Белоруссии и

совсем плохо — у России. Почему? Просто цепь случайностей? Просто такие попались люди — Кравчук, Кучма, Лукашенко, Кебич, Ельцин? Наверное, все же не только это. Личные качества здесь значат многое, но не всё. За ними, сквозь них выступают более глубокие культурные характеристики.

Украинская традиция — это традиция своеобразной позднесредневековой казацкой полуанархической полуреспублики, а для западных областей — это и традиция Австро-Венгрии и Польши. Украинское национальное возрождение, стремясь найти опору в образах прошлого, не наталкивается на фигуры типа Ивана Грозного и Петра I, наоборот, оно естественным образом отталкивается от такого рода фигур, подчеркивая (а в какой-то мере мифологизируя) казацкий «демократизм» и «списывая» и крепостное право, и царский деспотизм, и даже советскую власть — на Россию.

Белорусской государственной традиции фактически нет вообще, национальное самосознание у белорусов — слабее, чем у украинцев. Здесь меньше чувства гордости за обретенную независимость, и в какой-то мере даже забавно, что первым президентом независимой Белоруссии стал единственный депутат, бывший против этой независимости. Очевидно, поэтому и элита ведет себя по-иному, у нее меньше чувства исторической миссии, явно присутствовавшего у Кравчука и его окружения, и БНФ слабее Руха, и проблемы создания общества и государства отступили на задний план перед стремлением отомстить коррумпированной верхушке и надеждой получить российскую помощь.

И, наконец, наша российская мощная авторитарно-тоталитарная государственная традиция. Мы — народ самодержавной империи и народ, который не может списать коммунизм на чей-то иной счет. У нас нет иного исторического герба, кроме двуглавого орла, иного славного прошлого, кроме царского и советского, и самая популярная у наших демократов фигура российской истории — Столыпин, который все же оставил след не только реформой, но и «столыпинскими галстуками».

И эта монархически-коммунистическая традиция давит на нас, превращая нашу демократию в какое-то уродство. Из нормальной оппозиции она делает жиринов-ско-зюгановскую, из президента — генсека (если не царя). Россия — мощнее своих сестер, она, в отличие от них, создала в прошлом великую империю, но сейчас она и расплачивается за это, ибо сдать «экзамен на аттестат политической зрелости» ей труднее, чем им. А сдавать все равно придется — никуда не денемся.